

Широкий Михаил

Затемнение

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Михаил Широкий
Затемнение

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Широкий М.

Затемнение / М. Широкий — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Кладбище – совсем не подходящее место для дружеских встреч и душевных разговоров, тем более в тёмное время суток. Однако герой рассказа волей случая оказался в месте упокоения мёртвых именно в это время, что повлекло за собой серию совершенно невероятных событий и пугающих открытий, выходящих за пределы обычного и возможного и превышающих человеческое понимание. Содержит нецензурную брань.

I

Белка не могла долго находиться на одном месте – ей необходимы были непрерывное движение, непрестанное перемещение, стремительная беготня на головокружительной высоте. Неподвижно посидев на ветке мгновение-другое, она срывалась с места и спешила дальше. Сергей, едва успевая следить за её молниеносными передвижениями, видел только мелькавший то тут, то там пышный рыжий хвост и маленькую заострённую мордочку, которой она то и дело тыкалась во все углубления и щели, попадавшие на пути. Казалось, она не в силах была пропустить ни одной сколько-нибудь заметной дырочки или трещинки в жёсткой, окаменелой коре старого дуба, просто не имела права обойти их своим вниманием. Юркий зверёк ловко перепрыгивал с ветки на ветку, в мгновение ока взбирался, будто взмывал, по толстому шершавому стволу, волчком вертелся из стороны в сторону – никаких препятствий и неодолимых преград для него не существовало. Внезапно замерев на какой-то миг, покрутив головкой, пригнувшись к воздуху, волнуемому лёгким вечерним ветерком и напоенному свежими, душистыми запахами, прислушавшись к шёпоту листвы и разрозненным, неопределённым звукам, доносившимся по временам с окружающих кладбище оживлённых улиц, белка снова помчалась своей извилистой дорогой и вскоре исчезла из виду, нырнув в скрытое от чужих глаз, замаскированное листьями дупло.

От нечего делать Сергей пару минут наблюдал за белкой. Он никак не ожидал увидеть этого лесного зверя тут, на кладбище, расположенном едва ли не в центре города, среди людных и шумных улиц. Хотя вообще-то ничего удивительного в этом не было: это старое кладбище действительно очень походило на самый настоящий лес, причём довольно дремучий. Раскинувшееся на обширной территории, заросшее гигантскими столетними дубами, берёзами, соснами, окутанное вечным полумраком и наполненное мёртвой тишиной, оно, казалось, находится здесь спокон веков, и ничего, кроме могил, оград, памятников и крестов, тут никогда и не было. Увидев издали эту бескрайнюю тёмную громаду с изломанным зубчатым верхом, тянущуюся вдоль проезжей части и теряющуюся вдаль, можно было в самом деле принять её за лесной массив или, по крайней мере, большой тенистый парк. И лишь приблизившись и разглядев бессчётное скопище надгробий, рассыпанных на необозримом пространстве, можно было понять, что это за лес вырос посреди города.

Деревья в этом лесу большей частью стояли близко друг к другу, их кроны соприкасались, ветви переплетались, образуя сплошной, непроницаемый зелёный убор из листьев и хвои. Летом буйная зелень закрывала собой небо, даже в самые ясные и жаркие дни не пропускала солнечный свет, сохраняя под своим плотным покровом сумрак и прохладу. Затенённое, мглистое пространство прорезали кое-где лишь тонкие, похожие на огненные стрелы лучи, проникавшие в редкие зазоры между ветвями. Разросшиеся кусты образовывали местами густые, непроходимые заросли, маленькие чащобы, особенно в отдалённых, глухих закоулках, где редко ступала нога прохожего и почти всегда было тихо и безлюдно.

Место, где находился Сергей, было, пожалуй, единственным участком кладбища, практически лишённым растительности. Лишь изредка попадались небольшие одинокие деревца, отдельные островки кустарника, под ногами кучерявилась чахлая травка. Но в целом это была открытая, оголённая, в основном песчаная окраина; здесь преобладали не зелёный и коричневый, как повсюду вокруг, а жёлтый и серый тона. Через несколько десятков метров кладбище заканчивалось, упираясь в длинную кирпичную стену, за которой располагались какие-то невысокие строения с чёрными покатыми крышами. Днём здесь было очень жарко: солнечные лучи падали отвесно, не встречая никаких препятствий, быстро нагревали полуобнажённую землю, раскаляли металлические ограды, кресты, гранит обелисков. После полудня, когда солнце стояло в зените и палило всю, неподвижный воздух прогрелся, становилось душно, всё живое никло и увядало от невыносимого зноя. И только где-то в жухлой траве, под коч-

ками и в ложбинках копошились попрятавшиеся от пекла насекомые. Находиться тут слишком долго было невозможно, приходилось спасаться от немилосердно жарившего светила в тени деревьев.

Но Сергей, согласно уговору со своим приятелем Олегом, пришёл сюда вечером. Жара уже заметно спала, солнце двигалось всё дальше на запад, по земле медленно поползли чуть уловимые, прозрачные вечерние тени. Время от времени проносился мягкий тёплый ветерок, забиравшийся в раскидистые купы деревьев и заставлявший их мерно раскачивать ветвями и шелестеть листвой. В воздухе повеяло особенно приятной после долгого знойного дня свежестью и прохладой. Легче стало дышать.

Сергей взглянул на часы – стрелка приближалась к восьми. Пора бы другу Олегу прийти, не дожидаться же его здесь до темноты. Место ведь, надо прямо сказать, не самое подходящее для приятного времяпрепровождения, а тем паче для ночных бдений.

Сергей поднял голову и снова остановил взгляд на дубе, по которому только что скакала белка. Он стоял поодаль от других деревьев, как обособившийся родственник, навсегда отделивший себя от многочисленной родни. Даже своим видом этот изгой отличался от остальных: такой же, а может быть, даже более, чем прочие, огромный, кряжистый и ветвистый, он, стоявший на открытом, сухом и жарком месте, растерял со временем почти всю свою листву и теперь раскинул в стороны оголённые, корявые ветви, напоминавшие протянутые в отчаянной мольбе худые, иссохшие руки, отчётливо вырисовывавшиеся на голубовато-розовом фоне вечернего неба, пронизанного слабееющими, притушенными лучами заходящего солнца. В нижней части дерева кора отпала от ствола, обнажив белесые пятна древесины, похожие на большие незаживающие раны; тут и там, как редкие кустики волос на плешивой голове, трепетали на ветру мелкие листья; при более сильных порывах ветра раздавался протяжный жалобный скрип, походивший на предсмертный стон. Это усыхавшее, лишившееся жизненных соков, медленно и величественно умиравшее дерево-гигант напоминало человека, не желающего сдаваться, подчиняться обстоятельствам и даже самой судьбе и упрямо, судорожно цепляющегося за жизнь, уходящую из него по капле.

Устав стоять на одном месте и разглядывать раскинувшийся перед ним унылый, мрачноватый пейзаж, невольно навевавший такие же мрачные, безотрадные мысли о тщете, суетности и кратковременности всего сущего, Сергей тряхнул головой и стал неспешно прохаживаться по узкой тропинке между двумя рядами оград. Среди этих решёток, перегородок, толстых железных прутьев он постепенно начинал чувствовать себя диким зверем, запертым в клетке. И это было непривычное для него и крайне неприятное ощущение, от которого он желал бы как можно скорее избавиться. Но надо было ждать друга, назначившего ему встречу именно здесь, на этом самом месте, и Сергей, скрепя сердце, решил потерпеть и дожидаться-таки опаздывавшего товарища.

Очень скоро наскучив бесцельным хождением туда-сюда, он, не без усилия отворив слегка заржавевшую калитку, зашёл в первую попавшуюся ограду и осторожно присел на ветхую, усеянную сухими листьями скамейку. Небрежным движением смахнул со стоявшего рядом столика пустую бутылку и два пластиковых стаканчика с остатками жидкости чайного цвета. На невысоком квадратном столике, покрытом бледно-голубой, облупившейся во многих местах краской, оставались ещё окурки, хлебные крошки, заплесневелый кусок булки, обгрызенное, почерневшее яблоко.

Сергей усмехнулся, глядя на эти следы чьего-то весьма скромного пиршества. Очевидно, не так давно какие-то неизвестные устроили тут маленькую вечеринку. И, судя по тому, что они не удосужились прибраться за собой, вряд ли они были родственниками или друзьями лежавшего здесь покойника. Нагнувшись и заглянув под скамейку, Сергей обнаружил там ещё две опорожнённые бутылки с яркими аляповатыми наклейками. В траве валялись также разорванный пакет из-под чипсов, крышки от бутылок и смятая пачка сигарет.

Но даже если бы тут не было всего этого мусора, оставленного незваными гостями, всё равно заметно было, что за этой могилой уже долгое время нет никакого ухода. То ли близкие покойного сами уже умерли, то ли попросту забыли о нём, занятые более насущными делами. Запущенность и беспорядок, отсутствие заботливой руки сразу бросались в глаза. Могила и прилегавший к ней участок заросли сорняком; краска на ограде поморщилась, съезжилась и местами облезла, вытесняемая постепенно расплывавшейся ржавчиной; ножки деревянной скамейки подгнили и покрылись плесенью, – Сергей чувствовал, как при малейшем его движении сиденье под ним пошатывается. От греха подальше он встал и подошёл к изножью могилы. Памятник – старый приземистый, немного скособоченный камень красновато-землистого оттенка – потемнел, оброс мхом, кое-где потрескался. Особенно выделялась длинная продольная трещина, рассекавшая надпись – имя и годы жизни – и задевавшая медальон с фотографией. С пожелтевшего, заплывшего портрета на Сергея устало и скорбно смотрело худое костистое лицо с явными признаками долгой, изнурительной болезни: потухшими, глубоко запавшими глазами, густой сетью морщин, страдальческой складкой возле плотно сжатых тонких губ.

От этой печальной картины заброшенности, безлюдья, мёртвого покоя на Сергея вдруг нахлынула такая неизбежная, дремучая тоска, что ему захотелось немедленно, не теряя ни секунды, убраться отсюда подальше и никогда больше тут не показываться, забыть дорогу в эти края. Только слово, данное Олегу, пока что удерживало его; иначе он не стал бы медлить ни минуты и томиться затянувшимся, начинавшим тяготить его ожиданием. Если бы не эта более чем странная просьба приятеля – явиться сегодня вечером на старое кладбище и ждать его в точно указанном месте, никуда не отлучаясь, – Сергею, естественно, и в голову бы не пришла такая вздорная, несуразная мысль – переться на ночь глядя на городской погост.

Между столиком и решёткой ограды рос молодой каштан; Сергей опёрся рукой о его ещё тонкий, но уже довольно крепкий ствол и, чуть нахмурясь, посмотрел вдаль, в глубь кладбища. Его рассеянный, скучающий взгляд скользнул по бесчисленным обелискам, бюстам, крестам, будто рассыпанным чьей-то щедрой рукой, по обильной цветущей зелени, тронутой отблесками угасающего заката, по плотной, непроницаемой стене деревьев-великанов, казалось, подпиравших своими верхушками низко плывшие по небу пушистые белоснежные облака. От непривычно долгого одиночества и вынужденного безмолвия, но в первую очередь под влиянием того места, в котором он против своей воли очутился, ему стало грустно и неудобно. Начало портиться настроение, в голову полезли скверные, безрадостные мысли. Снова подумалось о том, что неплохо было бы сейчас же уйти отсюда, вместо того чтобы торчать под этим дурацким каштаном и бессмысленно пялиться на могилы и надгробия. Он вполголоса выругался и в нетерпении стукнул кулаком по деревцу, от чего оно вздрогнуло и уронило несколько суховатых листьев, упавших на землю с тихим шорохом. В нём нарастало глухое раздражение против Олега – слишком уж долго он заставлял себя ждать, прям как девушка. Коли уж назначил встречу, мог бы и поспешить.

Вглядываясь в пустынные, понемногу тускневшие и словно заволакивавшиеся лёгкой дымкой кладбищенские просторы, Сергей мрачнел всё больше. У него неожиданно возникло и стало понемногу нарастать ощущение смутной, беспричинной тревоги. Ему вдруг начало казаться, что с ним непременно должно что-то случиться, что какая-то непредвиденная опасность подстерегает его совсем близко. Это было тем более странно, что прежде никаким предчувствиям и тревожным состояниям он подвержен не был и вообще отличался на редкость крепкой и устойчивой нервной системой. И, кроме того, всегда посмеивался над всякими предрассудками и суевериями, считая всё это чушью и бредом, любил лишний раз продемонстрировать свой скептицизм и критический склад ума. Вот и теперь он постарался сразу же взять себя в руки, встряхнуться и отогнать непрошенные, смущавшие его мысли. Ведь никаких видимых оснований для тревоги у него действительно не было. Вокруг всё тихо и мирно, нет ни

души, долетающие издали отзвуки большого города едва уловимы. Мягко струятся меркнущие лучи умирающего солнца, листву порой колышет слабый ветерок, в чистом, прозрачном воздухе веет покоем и умиротворением. Шумы улицы даже днём с трудом пробивались сквозь густую сень кладбищенских зарослей, а вечером их вообще почти не было слышно. Будто и в помине нет кругом ни города, ни машин, ни людей, а есть только эта бескрайняя, существующая с незапамятных времён, живущая по своим особым законам и правилам обитель мёртвых. Были, есть и будут лишь могилы, памятники, кресты, сумрачный лес и гаснущее солнце.

Абсолютно ничто не указывало на то, что в таком глухом, безлюдном месте может произойти что-нибудь экстраординарное, из ряда вон выходящее. Тут, похоже, вообще никогда ничего не происходило, если не считать случившихся иногда очередных похорон и необычного для этих мест многолюдства в день поминовения усопших. Но именно это внешнее спокойствие и безмятежность отчего-то и настораживали Сергея. Он не доверял этой гробовой тишине, она казалась ему обманчивой, таящей в себе что-то и действовала на него угнетающе. В этой неподвижности, немоте, сонном оцепенении ему чудилось что-то подозрительное, небезопасное, какой-то подвох, скрытая угроза, ждущая только удобного момента, чтобы обнаружить себя. В нём, как червь, шевелилось совсем несвойственное ему вообще-то чувство неуверенности, растерянности, робости. Он то и дело озирался кругом, вздрагивал от малейшего шороха и поминутно недобрым словом поминал друга Олега, по милости которого уже около часа вынужден был прозябать в этой забытой богом глуши, хотя имел возможность провести этот вечер гораздо интереснее, веселее, с пользой для себя и не только.

Ожидание было для Сергея тем нестерпимее, что он не привык к одиночеству и совершенно не переносил его. Обычной средой его обитания, где он чувствовал себя как рыба в воде, были большие шумные компании, пусть даже и состоявшие порой из малознакомых, а то и вовсе незнакомых ему людей. Но это нисколько не смущало его. Он быстро устанавливал со всеми контакт, находил общий язык, знакомился, общался, болтал без умолку, юморил и развлекал всех и в конце концов становился чаще всего душой общества, центром внимания, всеобщим любимцем, человеком необходимым и незаменимым. Особенно, как нетрудно догадаться, он приходился по душе женской половине компании, чему способствовал не только его живой, общительный, весёлый характер, но и мужественная внешность, крепкое, спортивное сложение, правильные, точёные черты лица и, прежде всего, наверное, большие, выразительные ярко-голубые глаза, обычно смотревшие на девушек неотрывно, в упор, с задорным блеском и откровенным призывом, перед которым трудно было устоять.

II

За последние четверть часа, когда ожидание сделалось нестерпимым и стало всерьёз раздражать Сергея, под разрушительным воздействием всевозможных раздумий, переживаний, сомнений, осаждавших его со всех сторон, да и под общим впечатлением от окружающего пейзажа и царившей здесь атмосферы, его обычно крепкие нервы настолько напряглись, что он вздрогнул от неожиданности, когда заметил появившуюся вдали человеческую фигуру. В первое мгновение он подумал, что это долгожданный Олег наконец-то пожаловал.

Но вспыхнувшая была надежда тут же погасла. Его ждало горькое разочарование: из глубины кладбища, по узкой дорожке, вившейся между оградами, неспешной ковляющей походкой плёлся бомж. Неопрятный и оборванный, как и подобает нормальному бомжу, расчёпаный, косматый старик с искривлённым, скошенным набок подбородком, обросшим клочковатой, спутанной седой бородой, и широким приплюснутым носом, имевшим характерный сизый оттенок, бросившийся в глаза ещё издали. Несмотря на тёплую, даже жаркую погоду, одет он был основательно. На плечах висел истёртый, засаленный грязно-серый пиджак, испещрённый дырками, точно от пуль, из-под которого выглядывал мятый, полиня-

лый свитер неопределённой расцветки, сильно растянутый, опускавшийся ниже бёдер. Просторные зеленоватые брюки военного покроя ввиду отсутствия ремня всё время сползали вниз, и он вынужден был поддерживать их рукой. По земле, поднимая пыль, глухо громыхали тяжёлые чёрные ботинки на толстой подошве, хотя и порядочно стоптанные, но добротные и прочные, – безусловно, лучший предмет его скудного гардероба. За спиной на длинной суковатой палке, перекинутой через плечо, как у ходока, болталась тощая полупустая котомка.

Глядел старик себе под ноги, повесив голову и чуть покачивая её при ходьбе, видимо отягчённый своими неутешительными бомжовскими думами, горше которых нет на свете. Но, пройдя по тропинке десяток метров, он случайно поднял голову и заметил одиноко стоявшего Сергея. И, заметив, уже не спускал с него глаз, по мере приближения присматриваясь к нему всё внимательнее, изучая и оценивая встречного цепким, намётанным взглядом. Взглядом профессионального нищего и попрошайки. Мысли его, по-видимому, приняли несколько иное, более позитивное направление, выражение лица чуть изменилось – на смену каменной неподвижности и угрюмости пришли некоторое оживление и осмысленность. Он повыше подтянул штаны и попытался ускорить шаг, но хромая нога не позволила ему этого; пришлось умерить свою прыть и идти помедленней, продолжая буравить незнакомца зорким, наблюдательным взором.

Приблизившись к ограде, в которой не по доброй воле коротал время Сергей, бродяга замедлил ход и, пройдя ещё несколько шагов, остановился. Как раз напротив Сергея, в паре метров от него. С глубоким, тяжким вздохом, – будто бы случайно, передохнуть малость. Усталым движением провёл рукой по морщинистому кирпично-красному лицу, наполовину скрытому нечёсаной, всклокоченной бородой, и уставился на Сергея в упор, острым, пронизывающим взором, разглядывая его как какого-то диковинного зверя, повстречавшегося ему в лесу. Видимо, удовлетворённый результатами осмотра, он тряхнул головой, плюнул себе под ноги и, хрипло прокашлявшись, заговорил.

– Сколько времени сейчас, не подскажите? – прокаркал он разбитым, дребезжащим голосом, вращая мутными, будто окутанными дымкой глазами, ощупывавшими встречного с головы до ног.

Необходимость вступать в разговор с грязным, вонючим бродягой тяготила Сергея. Его раздражал также устремлённый на него наглый, бесцеремонный, словно ощупывавший его взгляд старика. Но это бы ещё полбеды. Гораздо хуже было то, что являвшийся постоянным спутником бомжа тяжёлый, тошнотворный запах начал распространяться окрест сразу же после его прихода и вскоре поразил чуткое обоняние Сергея, заставив его брезгливо скривиться и непроизвольно отступить на шаг, что, естественно, не помогло, поскольку смрад продолжал незримо зловонными волнами растекаться вокруг и делался всё сильнее и нестерпимее.

Поставленный в такие экстремальные условия, Сергей, стремясь поскорее отвязаться от нищего и избавиться себя от его тягостного присутствия, поспешил ответить, хотя и сквозь зубы и с презрительной гримасой на лице, на его вопрос:

– Около девяти.

Старик кивнул, пожевал губами, поскрёб короткими, будто обрубленными, заскорузлыми пальцами густо заросший кривой подбородок и изобразил на тёмном, одутловатом, похожем на древесную кору лице, изрезанном, точно ножом, глубокими морщинами, некое подобие улыбки. Искательно, с лёгким прищуром взглянув на собеседника хитро блеснувшими, чуть увлажнившимися глазами и попытавшись придать своему хриплому, скрипучему голосу возможно больше непосредственности и приятности, он с натугой выдавил из себя:

– А мелочишки у вас не найдётся случаем? Хоть копейки какой?

Сергея, хотя ему было в этот момент совсем не до смеха, невольно позабавило простодушное, почти детское лукавство, светившееся в прищуренных глазёнках оказавшегося на

удивление шустрым и плутоватым старичка. Он на мгновение заколебался, отвечать или нет, и во время наступившей паузы с любопытством, смешанным с гадливостью, разглядывал плоское, скуластое, загорелое дочерна лицо бомжа с крупными и резкими, рублеными чертами. Особенно его забавляла застывшая на этой грубой, отталкивающей физиономии нелепо и несуразно выглядевшая на ней глупая заискивающая улыбка. Немного потомив окрылённого надеждой на поживу бродягу бесплодным ожиданием, Сергей приосанился, сложил руки на груди и строгим, наставительным тоном, как старший младшему, как начальник подчинённому, внушительно проговорил:

– Деньги, дед, нужно не кланчить, а зарабатывать своим горбом. Работать надо, вкалывать, а не сивуху жрать и побираться. А само собой, как по волшебству, с неба ничего не свалится. И не надейся! Ясно тебе или нет, рожа? А теперь проваливай отсюда, нечего тут воздух портить.

Несколько секунд нищий стоял не шелохнувшись, будто плохо расслышал или до него не вполне дошёл смысл сказанного. А затем, когда, видимо, всё же дошёл, по его лицу пробежала лёгкая тень, губы дрогнули и поджались, а в глазах, прочерченных тонкими красными прожилками и словно поддерживаемых снизу тёмными набрякшими мешками, промелькнуло что-то мимолётное и неуловимое. От льстивой, просительной улыбки не осталось и следа, она сползла с его лица, как убегающая волна с берега. Старик ещё сильнее стиснул губы, быстро заморгал сморщенными, воспалёнными веками, поскрёб пятернёй лохматую, всю в колтунах, голову, с трудом продираясь толстыми, негнушимися пальцами в густых зарослях давным-давно не мытых и не чёсанных спутанных, свалывшихся, жёстких, как пакля, волос. Покрутив головой, потоптавшись на месте и сокрушённо вздохнув, он повернулся и молча, с удручённым и угрюмым видом поковылял дальше, приволакивая хромую ногу и чуть раскачиваясь при ходьбе, как огромный маятник. На ходу обернулся и метнул на Сергея косой, холодный взгляд, в котором сквозили неприязнь, обида и ещё что-то смутное и тёмное, не поддававшееся определению. Его обветренные, потрескавшиеся губы беззвучно шевелились, растрёпанная седая грива развевалась на ветру, заплатанный холщовый мешок с убогим скарбом мотался на палке из стороны в сторону.

Сергей, провожая удалявшегося бомжа не менее неприязненным, отторгающим взором, с удовлетворением покачивал головой и криво усмехался. Хотя он и понимал, что торжество над старым бродягой – это довольно сомнительная победа, которая не принесёт ему лавров, которой даже не похвалишься ни перед кем без риска самому быть поднятым на смех, тем не менее он был доволен собой. Те удивительно точные, веские, хлёсткие, на его взгляд, слова, которыми он отшил, ошарашил, буквально сразил наглого побирушку, вызывали в нём гордость за себя и свои ораторские способности, пока что, как с сожалением вынужден он был признать, недостаточно ещё оценённые знавшими его людьми. Впрочем, утешал он себя, виной тому, скорее всего, элементарная зависть, не позволявшая окружающим, включая даже родных и друзей, оценить его – несомненные для него самого – достоинства по заслугам.

Бомж между тем, отойдя на десяток шагов, опять остановился и, приложив к носу два пальца, громко высморкался. Затем некоторое время стоял спиной к Сергею, понурился и ссутулив широкие плечи, будто глубоко задумавшись о чём-то. После чего медленно повернулся к Сергею и взглянул на него исподлобья, насмешливо посверкивая глазами из-под мохнатых кустистых бровей. Выражение его лица и особенно этот колкий, саркастический взгляд не имели ничего общего с его недавним смиренным, почти подобострастным видом, неловким стремлением разжалобить первого встречного, пробудить участие к преклонному возрасту и незавидному положению нищего бродяги. Теперь на его красном дублёном лице были написаны совсем другие чувства – язвительность, вызов, вражда. Мотнув головой и подняв кверху волосатый указательный палец с чёрным сломанным ногтем, он выразительно, со значением произнёс:

– Зря ты, парень, не уважил меня, зря. Обидел старика, крепко обидел. Грех, можно сказать, на душу взял... Ну что тебе стоило копеечку мне дать? Чай, не убыло б тебя от этого.

Сергей молчал, считая ниже своего достоинства вступать в пререкания с бомжом. Лишь бросал на него скользкие, исполненные пренебрежения и высокомерия взгляды и нервно постукивал кулаком по ограде, нетерпеливо ожидая, когда же этот асоциальный тип избавит его от своего несносного присутствия.

Однако старик не торопился уходить. Он, очевидно, никуда не спешил, времени у него было предостаточно, и он продолжал вещать, обводя широким жестом необозримые кладбищенские просторы и повышая свой хрипатый, скрежещущий голос:

– Сразу видать, что не ведаешь ты, невдомёк, значит, тебе, что деда Ерёму здесь все знают, уважают и любят. Весь околоток! Не обижают, не гонят, кусок хлеба дают... ну и всё остальное, как полагается... Меня тут каждая собака знает. И не кусает, потому как даже собаке, твари божьей, известно, что есть у деда Ерёмы защита. Оборона, значит!

С неожиданной радостной, светлой, блаженной улыбкой, приоткрывшей его рот и обнажившей несколько чудом сохранившихся кривых чёрных зубов, старик ещё раз обвёл рукой вокруг, будто показывая свои владения. В его мутных, затуманившихся глазах блеснули слёзы. В очередной раз мельком взглянув на разболтавшегося бродягу, Сергей с удивлением увидел на его помятой, испитой физиономии, казалось бы, совершенно не уместные на ней умиление и восторженность.

Но, будто вспомнив вдруг о своём безмолвном, внешне невозмутимом собеседнике, дед Ерёма вновь кольнул его едким, недобрим взором и опять, на этот раз предостерегающе, поднял корявый, похожий на обрубок, палец.

– А ты, дружок, берегись теперь! Обидел ты меня, шибко обидел. В душу, можно сказать, плюнул. Копейку, грош бедному старику, горемыке бесприютному, калеке к тому ж, пожалел... Нехорошо, ой, нехорошо, прям-таки по-свински ты поступил. Помяни моё слово, даром тебе это не пройдёт! Горько ты пожалеешь об этом, страху натерпишься досыта, и ещё добре буде, коли живым отсюда уйдёшь. Так-то вот...

Нищий на мгновение прервался, пожевал губами, подвигал желваками и, вперив в Сергея пронзительный, вспыхнувший мрачным огнём взгляд, медленно, с расстановкой, отчётливо выговаривая слова, просипел:

– Не будет тебе в жизни счастья! Ясно это вижу, на тебя гляючи. Потому как злой ты, глупый и жадный. Оттого горюшка хлебнёшь немало, кровавыми слезами обольёшься. И ничего у тебя в жизни не получится, всё прахом пойдёт, что ты замыслил и взлелеял в душе, по ветру рассеется, как дым... И вспомнешь тогда деда Ерёму, которому копейку пожалел. Вспомнешь и волком завоешь от горя и тоски. Да только поздно будет...

Сергея, вынужденного слушать эту галиматью, разбирал смех, и он с трудом удерживался от того, чтобы не расхохотаться. Но в то же время явная, неприкрытая угроза, прозвучавшая в последних словах бомжа, немного задела и насторожила его. Несколько смутил его и не совсем типичный для нищего бродяги тон, которым они были произнесены, – вдохновенный, высокопарный, почти пророческий. Он, разумеется, и не думал обращать внимание на это дурацкое прорицание – учитывая, из чьих уст оно излетело, – но всё равно почувствовал себя как-то неуютно и тревожно, словно на какое-то короткое мгновение вообразил, что так оно и будет на самом деле, как предсказал этот безобразный патлатый вещун.

Однако он тут же выбросил из головы эту нелепицу и взглянул на продолжавшего – правда, уже не так уверенно и звучно – лопотать что-то старика хмуро и сурово, насупившись и привычным движением сомкнув руки на груди. Он, в конце концов, не намерен был терпеть такое откровенное, беспардонное хамство, он не привык выслушивать дерзости, тем более от всякой сволочи. Зарвавшегося бомжару, конечно, следовало бы проучить как следует, чтобы крепко подумал в другой раз, прежде чем цепляться к незнакомым людям и нести околесицу.

За базар надо отвечать – этот важнейший, почти священный принцип Сергей всосал чуть ли не с молоком матери и строго следовал ему всю жизнь, при любых обстоятельствах, никогда не позволяя себе резких, необдуманных высказываний, особенно когда это могло привести к нежелательным для него последствиям, и по мере своих сил не позволяя другим хамить и дерзить ему. А уж терпеть подобное от такой мерзкой гадины, давно утерявшей человеческий облик, – это вообще уже ни в какие ворота не лезет. Надо во что бы то ни стало поставить распоясавшегося, слишком много позволившего себе скота на место, поучить его хорошим манерам, прижучить так, чтоб надолго запомнил, чтоб впредь неповадно было.

У Сергея буквально чесались кулаки вмазать гутнивому деду Ерёме пару раз по его гнусной кривой образине с выпученными, с явной сумасшедшиной глазами, очевидно залитыми не так давно какой-то спиртосодержащей дрянью, и раззявленным беззубым ртом, из которого продолжали мутным потоком извергаться всё более тёмные, путанные слова, в которых уже трудно было что-то понять. Но он пересилил себя и удержался от этого соблазна, сообразив, что для этого ему пришлось бы приблизиться к смердящему бродяге вплотную и подвергнуть своё обоняние слишком тяжёлому испытанию. Даже теперь, когда их разделяло довольно приличное расстояние, налетающий временами ветерок доносил до него исходившую от бомжа нестерпимую вонь, заставлявшую Сергея брезгливо морщиться и лишний раз убеждавшую его, что не стоит сокращать это расстояние ни на шаг и уж тем более марать руки о такую гадость, которую язык не поворачивался назвать человеком.

Не на шутку разошедшийся старик между тем никак не мог уgomониться и, нисколько не смущаясь устремлённым на него уничижительным, заносчивым взглядом своего единственного слушателя, не переставал швырять в него обидные, укоряющие слова:

– Да-а, паря, не подсобил ты, значит, старому хворому человеку, которому и жить-то, можа, осталось всего ничего. Не протянул, значаца, руку помощи, отверг, оттолкнул, как шелудивого бездомного пса... Напрасно ты это, очень напрасно. Некрасиво ты поступил, не по-людски. Хорошие-то, добрые люди так не делают... Или что ж ты думаешь, за меня заступиться, что ль, некому? – спросил он, повысив голос и насупив мохнатые брови. Немного подождав, словно в ожидании ответа от упорно молчавшего и лишь хмуро глядевшего на него собеседника, он сам же и ответил на свой риторический вопрос: – Ошибаешься, браток. Есть у меня оборона, есть заступа. Да ещё какая! Такая, что хошь у кого, а у тебя и подавно, волосёнки на башке зашевелиятся, в глазах помутится, руки и ноги отымутся. Обомлеешь да помертвеешь весь, когда в глаза ей заглянешь... Помянешь тогда деда Ерёму, ой, помянешь! Пожалеешь, горько пожалеешь, что не помог мне, не смилосердился над моей убогостью, не дал мне копеечку. Да только поздно будет жалеть...

Старый клоун со своими нудными, однообразными жалобами и прозрачными намёками на какое-то неминуемое и грозное возмездие, якобы ожидающее того, кто не угодил ему, начал бесить Сергея. Он едва сдерживал себя; его так и подмывало выйти из ограды и вышвырнуть отсюда вконец обнаглевшего, слетевшего с катушек бродягу, предварительно съездив разок-другой по его гнусной харе. Но Сергея по-прежнему останавливало отвращение: бомж был так грязен и вонюч, что к нему не то что прикоснуться, даже приблизиться было небезопасно. А густая косматая растительность на его голове и лице наверняка служила убежищем бесчисленным паразитам, и Сергею меньше всего хотелось, чтобы они, воспользовавшись такой возможностью, облюбовали бы и его голову, его аккуратно подстриженные и уложенные светло-каштановые волосы, за которыми, как и вообще за своей внешностью, он тщательно ухаживал, держа их в идеальном порядке и чистоте. А потому ему не оставалось ничего иного, как терпеть идиотскую болтовню полоумного старика и ждать, когда он наконец выговорится и уберётся отсюда к чёртовой бабушке.

Но, увы, до этого, по-видимому, было ещё далеко. Дед Ерёма и не думал сбавлять обороты, а, напротив, всё более входил в раж, как будто чувствуя неизвестно откуда взявшееся

вдохновение, почти восторг. Он выпрямился и стал будто выше ростом, лицо его вдруг преобразилось и словно озарилось каким-то внутренним светом, глаза загорелись странным, нездешним огнём и, оторвавшись от Сергея, устремились в никуда, точно прозревая неведомое. А ещё через мгновение они вспыхнули такой искренней, неподдельной, беспредельной радостью и счастьем, что Сергей окончательно уверился, что дед не в себе, и в очередной раз добром помянул в душе друга Олега, благодаря которому этот вечер обещал стать поистине незабываемым.

– Чую... чую тебя, заступа моя... красота моя ненаглядная, ангел небесный! – зашептал старик с умильным, просветлённым видом, закатывая глаза и вздрагивая всем телом, будто в экстазе. – Знаю, что ты где-то здесь, рядышком. Такая же красивая и светлая, вся в белом, как невеста. Как тогда, на похоронах... Пусть и не видать тебя пока, но я чувствую, что ты тут, поблизу. Можя, за тем деревцем, или за тем кустиком, или за тем крестиком... Но скоро ты покажешься, я знаю. Надо только, каб солнце зашло. А оно уже заходит. Скоро уж совсем тёмно станет. И тогда-а...

Голос деда, по мере того как он говорил, делавшийся всё более слабым, прерывистым, задышавшимся, на последнем слове наконец оборвался и стих. Несколько секунд он молчал, тяжело дыша и ворочая увлажнившимися, снова помутневшими глазами, быстро утратившими свой оказавшийся мимолётным блеск. А затем они вдруг выпучились, как у жабы, и полезли на лоб. Короткая дряблая шея старика побагровела и раздулась, как будто вспухла, из груди понеслись протяжные свистящие и булькающие звуки, туловище заходило ходуном. После чего сильный удушливый кашель терзал его несколько минут, сотрясая всё его квадратное, крепко сбитое тело и едва не выворачивая наизнанку. Его лицо перекривилось и потемнело ещё больше, из выкатившихся из орбит глаз брызнули слёзы, вены на лбу и шее набухли, как жгуты. Палка с котомкой соскочила с плеча и упала наземь.

Сергей с нескрываемым злорадством наблюдал за тем, как осточертевший ему бомж, которого он уже успел возненавидеть всей душой, корчится, задыхается и хватает широко раскрытым ртом воздух. Ему казалось, что это заслуженное наказание, постигшее проклятого бродягу за то, что он ни с того ни с сего привязался к совершенно незнакомому человеку и порядочно испоганил ему настроение. Он тешил себя надеждой, что хотя бы после этого мерзкий свихнувшийся старик оставит его в покое и уберётся вон.

Надежда, хотя и не сразу, оправдалась. После сильнейшего приступа кашля говорливый дед Ерёма, очевидно, уже не в силах был витийствовать по-прежнему, да и просто говорить поначалу был не в состоянии. Немного оправившись и придя в себя, он ещё некоторое время хрипел, отхаркивал, плевался. Кряхтя, охая, хватаясь рукой за поясницу, он с трудом наклонился и поднял с земли палку и мешок. Распрямив спину и расправив плечи, сунул тощую котомку под мышку, а на палку оперся, как на трость. Из груди его вырвался тяжкий вздох. Взгляд красных, как у кролика, налившихся кровью глаз был мутен и дик и ни на чём не мог остановиться, бесцельно и бессмысленно, как у младенца или мертвецки пьяного, блуждая с места на место. Лишь спустя минуту-другую, немного просветлев и прояснившись, он задержался на Сергее.

– По всему видать, помру скоро, – прогундосил он глухим, замирающим, каким-то замогильным голосом, уже без прежней вражды и насмешки, спокойно и серьёзно глядя на Сергея. – Недолго тебе, Ерёма, осталось землю топтать. Одной ногой, можно сказать, уже в могиле стоишь. Попрощаешься скоро с жистью своей никчёмной, несчастной, в которой ничё особо хорошего, почитай, и не было. А вот дряни всякой даже слишком много было. Выше крыши... Так и нечего о ней жалеть, о жизни такой! Уйду на тот свет с превеликим удовольствием, с лёгким сердцем... Только скорей бы ужо, а то неумогу становится. Тяжеле с каждым днём...

Бомж остановился, понурил голову и какое-то время глядел себе под ноги, хмуря брови, пошевеливая губами и то и дело испуская глубокие вздохи. Потом вновь поднял глаза на Сергея и с кривоватой, расслабленной усмешкой проговорил:

– Хоть ты и крепко обидел меня, паря, зла я на тебя не держу. Молод ты ещё очень, глуп, оттого и ведёшь себя непотребно и городишь абы что. Можя, и поумнеешь со временем... Как молодость-то проходит и смерть всё ближе становится, почти все умнеют. Хоть немножко. Даже тот, кто всю жизнь дураком прожил. Вот как я!

Сделав такое самокритичное признание, старик опять, уже совсем невесело, ухмыльнулся, или, вернее, просто скривил лицо, и, в очередной раз пристально воззрившись в своего безмолвного усталого слушателя, которого эта бесконечно затянувшаяся нелепая сцена начала выводить из себя, многозначительно и веско возгласил:

– Да порой и старости не нужно дожидаться. Смерть-то, она и молодыми не брезгает. Сёдня ты живой-здоровый, всем довольный, радуешься жизни, а завтра, глядь, оглянуться не успел, тебя уж на погост ташут... Она, матушка, завсегда рядом, прям за спиной у нас стоит. И за моей, и за твоей. Нам, дуракам, и невдомёк. А она вона там!

Дед поднял руку и указал пальцем куда-то в пространство; его вновь слегка вспыхнувший сосредоточенный взгляд устремился туда же.

И от его слов, и от его действий Сергей поёжился и невольно огляделся кругом. Но, естественно, ничего не увидел, кроме уже отлично – даже чересчур – знакомых ему кладбищенских далей, окутавшихся за последние полчаса густыми тенями и сделавшихся от этого ещё более мрачными и неприятными.

Заметив его движение и опасливый взгляд, дед Ерёма разразился скрипучим, бухающим смехом.

– Во-во, правильно боишься! Только бойся, не бойся – ей всё одно. Смертушка-то, она по пятам за нами ходит. Придёт и за тобой в свой час и не спросит, боишься ты али нет. За всеми придёт...

Старик, всё более понижая голос, умолк, постоял немного с задумчивым и замкнутым видом, чуть трясая головой и по-прежнему глядя в никуда, после чего нацепил мешок на палку, вскинул её на плечо и, бросив на Сергея холодный косой взор, процедил небрежно:

– Ну, прощевай, паря. Счастливо оставаться. Звиняй, коли что не так было... И поосторожней будь, тёмно уже...

И, сделав это прощальное замечание, похожее на предостережение, сопровождаемое выразительным, сумрачным взглядом, бродяга повернулся и медленно, покачиваясь и привлекая ногу, продолжил свой путь.

Сергей, мысленно посылая его ко всем чертям, следил за его понемногу удалявшейся и уменьшавшейся приземистой фигурой, пока она не сделалась едва различимой, а затем растворилась в серой вечерней мгле.

III

После ухода деда Ерёмы Сергей долго ещё не мог прийти в себя, оскорблённый в лучших своих чувствах и возмущённый донельзя дерзкой выходкой наглого, оборзевшего бомжа. Это было просто невыносимо, это ни в какие ворота не лезло! Такого в его жизни ещё не было, да и быть не могло. Чтобы какой-то грязный нищий бродяга отчитывал его как мальчишку, читал ему нотации, высмеивал его и, в конце концов, совершенно недвусмысленно угрожал ему! А он всё это вытерпел, молча выслушал и даже слова не сказал, не говоря уж о том, чтобы силой заткнуть распоясавшемуся болтуну его поганую глотку. Ему, можно сказать, плюнули в лицо, причём откровенно и смачно, а он... Что сделал он? Он утёрся и чуть ли не поблагодарил за

науку! Да, именно так он и поступил, ни больше ни меньше. Ну и кто же он в таком случае после этого?..

Возбуждённый этими мыслями, остро и болезненно переживая то, что он считал величайшим оскорблением и унижением, колоссальным ударом по самолюбию, перенесённым им когда-либо, Сергей, сжимая кулаки и издавая глухие, сдавленные звуки, среди которых можно было уловить сочные, изысканные ругательства, метался в ограде, как разъярённый хищник, запертый в клетке и страстно мечтающий о том, чтобы вырваться на волю и разорвать в клочья глазеющих на него зевак. Но так как он, в отличие от зверя, не был заперт, то, чувствуя, что ему тесно в небольшой ограде, он ударом ноги отворил калитку и стал энергично вышагивать по более обширному пространству – длинной, убегавшей в темнеющую даль тропинке, разделявшей два огромных массива захоронений. Впрочем, и она вскоре показалась ему тесноватой, и он, то и дело задевая и цепляясь за окружавшие его со всех сторон металлические решётки, принялся в ярости пинать их ногами, словно вымещая на них переполнявшие его негодование и ненависть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.